

Евразийская инициатива президента Республики Корея Пак Кын Хе

© 2015

Л. Захарова, К. Асмолов

Евразийская инициатива, выдвинутая президентом Республики Корея Пак Кын Хе в октябре 2013 г., стала главным крупным проектом, который Южная Корея в настоящее время продвигает на международном уровне.

Статья содержит анализ предложений, содержащихся в Евразийской инициативе Республики Корея, и их оценку с точки зрения интересов России в регионе. Авторы рассматривают подход президента Пак Кын Хе в отношении КНДР и ее политику по объединению Кореи.

Ключевые слова: Корея, объединение, Евразийская инициатива, Пак Кын Хе, политика в отношении КНДР.

В октябре 2013 г. президент Республики Корея Пак Кын Хе выступила с речью на Международной конференции по глобальному сотрудничеству в эру Евразии. Главным содержанием этого выступления стала *Евразийская инициатива (Eurasia Initiative)*, призванная сплотить страны одноименного континента для мирных обменов и совместного процветания. В качестве основных способов достижения единства Евразии президент РК предложила воссоединение логистических сетей и преодоление физических барьеров, препятствующих обменов, создание евразийской энергетической сети, совместное развитие креативной/инновационной экономики, расширение культурных и гражданских обменов, а также укрепление мира на континенте. Важным шагом на пути к совместному процветанию Евразии президент РК назвала либерализацию торговли и инвестиций в регионе в целях создания Евразийского экономического блока¹.

Что касается конкретных проектов, Пак Кын Хе говорила о необходимости создания «железного Шелкового пути» от порта Пусан на юге Корейского полуострова через Северную Корею, Россию, Китай и Центральную Азию до Европы посредством соединения железных и автомобильных дорог. Упомянула она и о заинтересованности в участии РК в освоении Северного морского пути. В области энергетики глава Южной Кореи выступила за создание единой энергетической инфраструктуры в регионе, включая объединение линий электропередачи, газо- и нефтепроводов, совместную разработку сланцевого газа в Китае, нефти и газа в Восточной Сибири.

В целом в Евразийской инициативе большая роль отводится экономическому сотрудничеству, за счет расширения которого Южная Корея могла бы придать новый стимул развитию собственной экономики. Эта задача становится все более актуальной на фоне замедления темпов роста в стране. В 2000–2007 гг. средние темпы экономического

Захарова Людмила Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru.

Асмолов Константин Валерьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: asmlov@ifes-ras.ru.

роста РК составляли около 5% в год, в 2008–2013 гг. — около 2% в год². И, как утверждают некоторые южнокорейские эксперты, именно через дальнейшее развитие торгово-экономических связей с другими странами можно было бы создать базу для ускорения роста в РК³. В то же время, несмотря на развернутую южнокорейским правительством кампанию по информационному продвижению Евразийской инициативы на международном уровне, с самого начала не совсем ясны были детали и механизмы ее реального воплощения в жизнь.

Тем временем другие крупные игроки выдвинули и продвигают свои стратегические инициативы, направленные на региональную экономическую интеграцию под собственным началом. Здесь, в частности, можно упомянуть российский проект Евразийского экономического союза, направленный главным образом на реинтеграцию в рамках СНГ, а также проект Экономического пояса Великого шелкового пути, выдвинутый Китаем в 2013 г. По оценкам российских экспертов, под флагом этой инициативы Китай готов, используя свои финансовые ресурсы, создать некий «экономический пояс» стран от Тихого океана до Европы, включая прежде всего государства Центральной, Южной Азии и Закавказья, которые станут получателями китайских товаров, инвестиционных потоков и инфраструктурных услуг⁴.

В этом контексте Евразийскую инициативу президента РК можно расценивать как попытку Южной Кореи выдвинуть собственный региональный проект по расширению экономического сотрудничества, в котором Сеулу будет отводиться одна из центральных ролей. Подобные инициативы уже выдвигались предыдущими президентами РК. В частности, о Корее как логистическом и финансовом хабе Азии говорил президент Но Му Хен (2003–2008 гг.), а его преемник президент Ли Мён Бак (2008–2013 гг.) в начале своего срока активно выступал за реализацию газового и железнодорожного проектов с участием России.

Помимо предложений по активизации экономического сотрудничества на континенте, Евразийская инициатива РК содержит блок важных политических вопросов, связанных с Северной Кореей. Особым вызовом для Сеула президент Пак Кын Хе назвала утверждение мира на Корейском полуострове — восточном форпосте Евразии. В своей речи президент отметила, что разделение Корейского полуострова создает препятствия для обменов и сотрудничества в Евразии. По мнению РК, большая часть инициатив и проектов сотрудничества не может быть реализована без стабильных межкорейских отношений и «открытости и реформ» в Северной Корее, ведь без продуктивного взаимодействия с КНДР Южная Корея остается в островном положении, не имея сухопутных выходов к своим евразийским партнерам.

В связи с этим интегральной частью Евразийской инициативы стал северокорейский курс нынешнего руководства РК, получивший название «политики утверждения доверия» (trust-building process). Впервые об идее «trustpolitik» Пак Кын Хе объявила еще будучи кандидатом в президенты Южной Кореи в статье «Новая Корея: построение доверия между Сеулом и Пхеньяном» (A New Kind of Korea: Building Trust between Seoul and Pyongyang), опубликованной в американском журнале *Foreign Affairs* осенью 2011 г.⁵ После инаугурации Пак Кын Хе в начале 2013 г. концепция «политики доверия» прочно вошла в лексикон южнокорейской администрации. Основной предпосылкой данного курса стало утверждение, что главной причиной проблем в межкорейских отношениях является существующее между сторонами недоверие, порождающее порочный круг: провокация Севера — кризис — компромисс — «вознаграждение» Севера за ослабление напряженности — небольшая передышка и вновь провокация Севера. Соответственно, чтобы разорвать этот круг, надо утвердить доверие между Севером и Югом⁶.

Каким же образом правительство РК планирует строить доверие в отношениях с КНДР? Главной задачей на этом пути провозглашается принципиальное реагирование на провокационные действия и нарушения договоренностей со стороны Севера, чтобы жесткими ответными мерами дать понять Пхеньяну невыгодность подобного поведения.

Правительство РК настаивает на том, что межкорейские отношения должны строиться и развиваться, прежде всего, при соблюдении норм международного права. С опорой на поддержку собственного населения и мирового сообщества Сеул планирует создать такие условия, при которых Пхеньян будет меняться в нужную сторону под влиянием межкорейского диалога и сотрудничества. Подобную задачу, но другими методами, ставили перед собой и администрация Ким Дэ Чжуна (1998–2003 гг.), проводившего политику «солнечного тепла», и администрация Ли Мён Бака, перешедшего на позиции жестких санкций в отношении Севера. Курс Пак Кын Хе пока что во многом является продолжением линии Ли Мён Бака, несмотря на заявления о готовности к диалогу с Пхеньяном.

Для реализации «политики утверждения доверия» правительство РК предусматривает ряд конкретных инициатив по развитию сотрудничества между Югом и Севером. Изначально Министерство объединения РК объявило, что на первом этапе правительство Южной Кореи планирует открытие различных каналов диалога с Севером и оказание гуманитарной помощи наиболее уязвимым категориям населения КНДР. В случае успешного выполнения этой задачи следующим шагом станет расширение экономических отношений Юга с Севером. На третьем этапе была провозглашена готовность РК оказывать КНДР крупную государственную помощь, но лишь если Пхеньян будет принимать существенные меры по денуклеаризации.

В числе основных задач первого этапа «утверждения доверия» президент Пак Кын Хе озвучила идею интернационализации единственного сохранившегося межкорейского проекта — Кэсонского промышленного комплекса — за счет привлечения в него иностранных участников. На втором этапе правительство РК рассматривает возможность оказывать помощь КНДР в восстановлении и создании объектов инфраструктуры, в том числе в областях энергетики, транспорта и связи. Кроме того, будет активно поддержано создание новых специальных экономических зон на Севере, развитие приграничного сотрудничества и реализация трансграничных проектов в многостороннем формате РК—КНДР—КНР, РК—КНДР—РФ и т.п.⁷ Конечной целью своего курса Пак Кын Хе провозгласила «достижение объединения путем формирования экономического сообщества, основанного на устойчивом мире»⁸.

Важной характеристикой политики президента Пак Кын Хе в отношении КНДР провозглашается сбалансированный подход к межкорейским связям и международному сотрудничеству, позволяющий создать вокруг Северной Кореи обстановку, в которой существующему в ней режиму придется пойти на нужные Сеулу изменения. Для получения поддержки своего курса со стороны соседних стран южнокорейское правительство выдвинуло Инициативу мира и сотрудничества в регионе СВА (Northeast Asia Peace and Cooperation Initiative), также объявленную частью более масштабной Евразийской инициативы. Этот проект предполагает диалог и сотрудничество государств Северо-Восточной Азии по таким вопросам, как изменение климата, природные катастрофы, ядерная безопасность, кибербезопасность и другие, где сотрудничество уже возможно и есть потенциал для его расширения. На этом поле Сеул видит возможности для вовлечения Северной Кореи в процессы международного взаимодействия, включая дальнейшей поиск решения и более сложных военно-политических вопросов в СВА. Таким образом, за счет снижения региональной напряженности Южная Корея рассчитывает способствовать установлению устойчивого мира и сотрудничества в СВА.

Евразийская инициатива РК и интересы России

Для реализации крупных инфраструктурных проектов, являющихся важной частью президентской инициативы, Южной Кореи необходимо будет участие в них России и Северной Кореи. Однако отношения КНДР и РК до сих пор находятся в кризисном состоянии. Руководство Северной Кореи не очень позитивно оценило Евразийскую инициативу президента Пак Кын Хе. Курс РК на «утверждение доверия» был назван в Пхеньяне «политикой конфронтации и войны с КНДР, блокирующей улучшение межкорейских отношений

и повышающей опасность ядерной войны на полуострове»⁹. Согласно сообщениям в северо-корейских СМИ, целью инициатив Пак Кын Хе является разоружение КНДР и реализация вторжения на Север в соответствии со сценарием, подготовленным США¹⁰.

При этом Пхеньян продолжает призывать южнокорейское руководство к соблюдению Деклараций, подписанных лидерами двух стран на межкорейских саммитах 2000 и 2007 г.¹¹ Последняя из них содержит важный блок экономических инициатив, которые так и не были реализованы.

Кроме того, в РК действует запрет на торгово-экономические отношения с Северной Кореей, введенный правительством страны 24 мая 2010 г. В таких условиях межкорейский экономический диалог не может развиваться. Несмотря на то, что в настоящее время значительная часть населения РК выступает за смягчение или отмену запрета на торговлю с КНДР, пока что позиция руководства страны по этому вопросу представляется неизменной, и отмены существующих санкций в ближайшее время ожидать не приходится. В отношении Северной Кореи со стороны Сеула сохраняется линия на увязывание политических и экономических вопросов по схеме «сотрудничество возможно только после уступок по вопросу денуклеаризации». А учитывая, что весной 2013 г. Ким Чен Ын выдвинул новую стратегическую линию на параллельное развитие экономического строительства и создание ядерных сил в КНДР, скорого отказа Пхеньяна от ядерного оружия не ожидается. В связи с этим вопрос о том, как Евразийская инициатива будет реализовываться на практике, остается открытым.

Во время встречи президентов РФ и РК в ноябре 2013 г. В. Путин поддержал Евразийскую инициативу Пак Кын Хе, отметив, что она полностью стыкуется с конкретными предложениями России в этой сфере, сформулированными еще несколько лет назад. Кроме того, президент России подчеркнул, что со стороны РФ уже были предприняты определенные практические шаги для ее реализации (это касается соединения Транскорейской железной дороги и Транссибирской магистрали)¹². Более того, предложения Пак Кын Хе находят отклик в продвигаемом В.Путиным «повороте на Восток», целью которого является укрепление позиций России в Азии через расширение отношений и экономических связей с государствами региона.

Необходимо отметить, что в деле реализации российских экономических интересов на Корейском полуострове руководство РФ возлагает особые надежды на осуществление крупных проектов с участием обоих корейских государств — соединение Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги, прокладку газопровода из России в РК через территорию КНДР и организацию поставок российской электроэнергии на Корейский полуостров. Пока ни один из них не вышел на стадию практической реализации в трехстороннем формате.

В то же время с 2008 г. Россия и КНДР осуществляют транспортное сотрудничество по проекту Хасан—Раджин. В его рамках были завершены реконструкция участка железной дороги Хасан—Раджин с укладкой совмещенной колеи и работы по созданию перегрузочного терминала в порту Раджин, а также начата эксплуатация созданной инфраструктуры. Изначально этот проект провозглашался пилотным в рамках более крупной инициативы по соединению Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги. Поскольку эта идея полностью вписывается в Евразийскую инициативу РК, нынешнее правительство Южной Кореи решило оказать помощь своим компаниям в присоединении к этому проекту.

Во время визита президента России В. Путина в Сеул в ноябре 2013 г. между РФ и РК был подписан Меморандум о взаимопонимании, предполагающий возможность подключения консорциума южнокорейских компаний к российско-северо-корейскому сотрудничеству по строительству и эксплуатации грузового терминала в порту Раджин и железнодорожной ветки от Раджина до российской станции Хасан. В условиях действующего запрета Сеула на инвестиции в КНДР войти в этот проект южнокорейский бизнес может только в рамках сотрудничества с Россией, например, через приобретение части

российской доли (70% в уставном капитале принадлежит ОАО «РЖД») в совместном предприятии РФ и КНДР «РасонКонТранс», являющимся оператором проекта. Принципиальное согласие от северян на участие южнокорейской стороны в проекте за счет части российской доли ОАО «РЖД» уже получила.

В 2014 г. представители южнокорейских компаний POSCO, Hyundai Merchant and Marine и KORAIL дважды посещали Раджин, где осмотрели инфраструктуру порта, железную дорогу, а также прочие объекты. После второго визита ОАО «РЖД» и консорциум южнокорейских компаний приступили к совместной работе по выработке механизма дальнейшей реализации проекта. Если подключение южнокорейских компаний к российско-северокорейскому сотрудничеству будет реализовано, это создаст важный прецедент и для других трехсторонних проектов. В то же время представители Южной Кореи на разных уровнях подчеркивают, что главным при принятии решения будет экономическая целесообразность предприятия и решение самих компаний. Правительство РК поддерживает этот проект в случае положительного решения, однако стимулировать его из политических соображений не собирается.

В целом экономическая составляющая Евразийской инициативы РК отвечает долгосрочным интересам России в Азии, поскольку реализация заявленных в ней проектов будет способствовать расширению экономического сотрудничества со странами региона, а также позволит укрепить позиции РФ на Корейском полуострове за счет той важной посреднической роли, которую Москва может сыграть в межкорейском экономическом диалоге. Кроме того, инициатива президента РК играет не последнюю роль и в процессе принятия решения Сеулом о введении экономических санкций против России, на котором настаивает Вашингтон. Правительство РК, вероятно, до конца будет сопротивляться официальному присоединению к американским санкциям в отношении России, поскольку это не соответствует Евразийской инициативе, где сотрудничеству с РФ отводится важная роль.

Надо, однако, понимать, что действия РК в рамках Евразийской инициативы отнюдь не тождественны развитию трехстороннего сотрудничества и реализации существующих проектов с участием КНДР. С одной стороны, Сеул, безусловно, хочет экономической выгоды, возможности закрепления на российском и северокорейском рынках, а также использования России как посредника в политическом и экономическом воздействии на Пхеньян. С другой стороны, в РК очень осторожно относятся к необходимости развивать экономику «возможного противника», особенно если это требует долговременных вложений. Осуществление логистических услуг на уже построенной железной дороге потребует совсем другого уровня затрат по сравнению с ее строительством и оснащением инфраструктурой.

Последнее хорошо показало обсуждение перспектив конкретных проектов, прошедшее 1 октября 2014 г. на российско-корейской конференции в Сеуле, посвященной евразийскому сотрудничеству (Cooperation of Eurasia and Korea-Russia Relations: Implications for Korean Unification), где представители РК активно продвигали идею взаимодействия, при котором северокорейская рабочая сила использовалась бы на южнокорейских предприятиях, созданных на приграничной российской территории. При этом оплата северокорейского участия частично могла бы осуществляться продуктами, отгружаемыми в КНДР для решения продовольственных проблем. Для Республики Корея такой вариант «трехстороннего сотрудничества» представляется наиболее выгодным и реалистичным в современных условиях, поскольку он позволяет Сеулу избежать политических рисков, связанных со строительством объектов в КНДР, а также обойтись без затратного вложения в инфраструктуру на Севере.

Политика президента Пак Кын Хе по объединению Кореи

С первых дней пребывания у власти администрация Пак Кын Хе прилагает особые усилия для актуализации проблемы объединения Кореи и расширения поддержки своего курса как внутри страны, так и на международной арене.

Особую роль в этом играют внутренние факторы. В стране, где работа во имя объединения Родины является одной из конституционных обязанностей президента, все больше растет доля тех, кто считает, что объединение не нужно. В частности, согласно результатам опросов, проведенных Сеульским национальным университетом, количество южных корейцев, считающих объединение необходимым, в 2012 г. составило 54,7% от общего числа опрошенных. Причем в возрастной категории 19–29 лет эта доля оказалась еще меньше — всего 40,4%¹³. Подобные настроения среди южнокорейского населения обусловлены прежде всего тем, что большинство граждан РК не готово рисковать своим личным благополучием и уровнем жизни ради объединения. Ведь современные расчеты говорят о более чем триллионе долларов, необходимом для объединения Кореи.

Для оказания влияния на мнение населения в Южной Корее активно проводят исследования, посвященные выявлению и подсчету экономических выгод Республики Корея от объединения. Сама президент Пак Кын Хе в одном из своих выступлений назвала объединение Кореи «джекпотом», несущим колоссальную выгоду как всему полуострову, так и окружающим его странам. Кроме того, в 2014 г. в РК был создан специальный Президентский комитет по подготовке к объединению с целью выработки конкретных мер для достижения поставленной цели.

При этом руководство РК в качестве потенциального сценария объединения рассматривает, прежде всего, возможность Юга поглотить Север, причем на высшем уровне подчеркивается, что это может произойти внезапно (например, в результате коллапса существующего в КНДР режима). Однако опыт объединения Германии показал почти неподъемные расходы на объединение, когда оно возникает столь быстро. Германия потратила уже более 1 трлн евро на развитие восточных районов страны, но так и не смогла добиться выравнивания уровня жизни жителей бывших ГДР и ФРГ. Между тем, соотношение показателей ВВП на душу населения в ФРГ и ГДР к моменту объединения составляло 3:1. Нынешнее соотношение уровней ВВП на душу населения Юга и Севера, по южнокорейским оценкам, составляет 18:1. Население ГДР составляло четверть от населения ФРГ, а население Севера составляет половину от нынешней численности населения Юга. Даже по этим, весьма условным сопоставлениям видно, что финансовая нагрузка на экономику РК будет намного больше, чем в ФРГ.

Обратим внимание и на иные факторы, делающие германский опыт малоприменимым к корейскому случаю. ГДР в течение долгого времени имела доступ к западногерманским СМИ, а достаточно высокий уровень жизни населения позволял восточным немцам покупать весьма привлекательные западногерманские товары, что сыграло свою роль в качестве дополнительного толчка к объединению. В КНДР уровень представлений об РК существенно ниже, как и уровень доходов населения.

Согласно расчетам южнокорейских ученых из Корейской ассоциации политических наук, если бы Корея объединилась к 2030 г., в течение последующих 10 лет ежегодные вложения правительства РК в развитие инфраструктуры в КНДР составили бы около 27 млрд долл.¹⁴ Но это лишь расходы на инфраструктуру. А ведь существует большое количество других сфер, в которые потребуются финансовые вложения. Одна из них, не менее важная, — социальная сфера. Если после объединения для поддержки малообеспеченных слоев населения Северной Кореи будет применена южнокорейская система соцобеспечения, то большинство жителей Севера станут получателями государственных пособий. По подсчетам экспертов Корейского института развития, в этом случае число таких получателей вырастет с нынешних 1,5 млн до 20 млн человек, что увеличит объем государственных расходов в данной сфере в 10 раз (это составит около 2–3% ВВП)¹⁵. И

это далеко не полный перечень расходов, который Южной Корее предстоит понести в случае реализации сценария «внезапного объединения» с Севером.

Другим важным элементом современной объединительной политики РК является придание особого значения внешним факторам. В частности, по аналогии с объединением Германии, где важную роль сыграли договоренности СССР и США, южнокорейское руководство стремится достичь консенсуса с сопредельными странами, добившись их поддержки объединению Кореи по сценарию РК. Поскольку, по мнению Сеула, ключевыми странами для осуществления этого являются США и КНР, особое значение придается попыткам убедить Пекин присоединиться к коалиции давления на Пхеньян (США уже возглавляют эту коалицию) и не препятствовать потенциальному поглощению Севера Югом. В свое время СССР дал согласие на поглощение ГДР, но сделает ли то же самое Китай в отношении Северной Кореи — большой вопрос, особенно учитывая последствия объединения Германии для стратегических интересов России и современные политические тренды.

Концептуальное оформление политика объединения Пак Кын Хе получила в выступлении президента в Дрездене 28 марта 2014 г. Основным содержанием речи под названием «Инициатива по мирному объединению на Корейском полуострове»¹⁶ стали предложения о сотрудничестве с Севером, которые были условно разделены на три пункта. Во-первых, в гуманитарной области президент РК предложила КНДР сделать встречи разделенных родственников регулярными, а также выразила готовность через организации системы ООН оказывать Северной Корее гуманитарную помощь по поддержке беременных женщин и новорожденных. Во-вторых, в сфере экономики президент Пак предложила начать с небольших форм сотрудничества, таких как, например, создание совместных комплексов по поддержке сельского и лесного хозяйства в отдельных районах Северной Кореи. Далее по мере укрепления доверия можно было бы перейти к изучению возможностей осуществления инвестиций в строительство инфраструктуры (прежде всего, объектов транспорта и связи) и совместную разработку полезных ископаемых на Севере. Особый акцент в экономической части предложений был сделан на реализацию трехсторонних проектов с участием России или Китая. В-третьих, в сфере интеграции двух корейских государств президент Пак предложила развивать гражданские обмены в различных областях культуры, которые бы способствовали реальному сближению на межличностном уровне. А для экономической интеграции, если Северная Корея пожелает, лидер РК выразила готовность совместно с мировым сообществом поделиться с Пхеньяном опытом экономического управления и развития специальных экономических зон, а также предоставить северянам систематическое образование и тренинги в области финансов, налогообложения и статистики. Для этого президент РК предложила Северу создать «офис межкорейских обменов и сотрудничества», а также вновь озвучила идею о создании в демилитаризованной зоне между КНДР и РК «международного парка мира».

Нельзя сказать, что в своих предложениях президент Пак Кын Хе выдвинула какие-то принципиально новые идеи или подходы в отношении КНДР.

Северная Корея вполне ожидаемо осудила Дрезденскую инициативу президента Пак как попытку поглотить КНДР с привлечением к этому внешних сил. Кроме того, Пхеньян назвал предложения Пак Кын Хе не соответствующими текущему состоянию межкорейских отношений¹⁷. На конец 2014 г. они все еще находятся в кризисе, который начался после южнокорейской реакции на потопление корвета «Чхонан» в 2010 г., в котором обвинили КНДР.

По мнению некоторых российских специалистов, одним из главных недостатков объединительных инициатив президента Пак Кын Хе является фактическое игнорирование руководством РК озабоченностей КНДР по поводу своей безопасности¹⁸. Сеул отказывается предпринимать шаги для снижения уровня военного противостояния на полуострове, в частности, это касается проведения крупномасштабных военных маневров с участием США. Некоторые южнокорейские ученые также отмечают, что в своей полити-

ке руководству РК необходимо учитывать требования Северной Кореи о заключении мирного договора¹⁹.

При этом можно сказать, что в настоящее время идет довольно сложный «волатильный процесс». Курс президента Ли Мён Бака привел к довольно серьезному обострению межкорейских отношений. Пак Кын Хе унаследовала эту проблему и вынуждена решать ее в рамках консервативного тренда. Хотя формально ее подход отличается большей конструктивностью, и выделение недостатка доверия между сторонами в качестве главной проблемы представляется важным шагом вперед, на практике мы скорее наблюдаем переход кризиса из острой фазы в вялотекущую.

Хотя определенные сдвиги наметились, и их явным признаком была состоявшаяся в начале октября 2014 г. поездка трех высокопоставленных чиновников КНДР в РК на закрытие Азиатских игр, дальнейшего развития процесс не получил. По сути, северо-корейская инициатива была торпедирована отказом властей Южной Кореи пойти навстречу просьбе Пхеньяна о прекращении запуска пропагандистских листовок на территорию КНДР. Руководство РК остерегается подобных непопулярных мер, так как считает, что запуск агитационных листовок — конституционное право граждан РК. Не спешит оно и с отменой экономических санкций от 24 мая 2010 г., продолжая требовать от Северной Кореи извинений за потопление корвета «Чхонан». Кроме того, очень популярен среди южнокорейских политиков и экспертов тезис о том, что нельзя поддерживать экономический рост Севера, так как полученные от сотрудничества средства КНДР будут использоваться для развития своей ракетно-ядерной программы. При этом северо-корейские инициативы встречаются с заведомым недоверием²⁰. С начала 2014 г. только министр объединения Республики Корея Ю Гиль Чжэ более 15 раз заявлял, что «мы не верим северо-корейским предложениям и обещаниям».

В целом по вопросу об объединении Кореи наблюдается отход южнокорейской стороны от принципа самостоятельного объединения, закрепленного в Совместном заявлении Севера и Юга 1972 года²¹, к интернационализации этой проблемы и попыткам использовать другие страны для оказания давления на Северную Корею. РК пытается убедить соседние страны в том, что необходимо вынудить КНДР принять «правильное решение» и пойти по пути «реформ и открытости», которые позволят Южной Корее обеспечить поглощение Севера. В области экономического сотрудничества наблюдается желание руководства РК перейти к небольшим проектам, которые не потребовали бы отмены санкций от 24 мая 2010 г., оставив реализацию крупных инициатив на будущее.

Интернационализация межкорейских отношений — достаточно давний тренд, связанный отчасти с общей позицией консерваторов в этом вопросе отчасти — с тем, что чем больше времени проходит с момента раскола страны, тем сильнее отличаются друг от друга корейские государства: ментальностью и особенностям языка (де-факто на Севере и Юге сформировались самостоятельные варианты литературного языка, что очень серьезно увеличивает взаимное непонимание), более того, даже ростом и внешним видом из-за определенного недоедания на Севере полноценного европейского питания на Юге, отчего южане уже не воспринимают северян как «полностью своих». Но важно и то, что поколение, для которого раскол Кореи был частью личной истории, уходит, а молодое выросшее в новых условиях, считает разделенный полуостров своего рода статус-кво, и объединение любой ценой не является для него приоритетом. Это, в частности, показывают приведенные выше данные опросов.

В 1970-е годы, когда при президенте Пак Чон Хи, отце нынешнего президента, состоялись первые серьезные тайные межкорейские переговоры, рана от раскола в массовом сознании еще не затянулась и межкорейским отношениям был придан особый статус, отличный от стандартного характера отношений между странами. Север не считали «другой страной», поэтому в дальнейшем межкорейскими проблемами занималось специально созданное Министерство объединения, а межкорейская торговля проходила отдельной строкой как «внутринациональная», не считаясь внешней.

Но постепенно две Кореи начали признавать статус друг друга на уровне, большем чем «часть территории нашей страны, временно захваченная вражескими марионетками». КНДР и РК стали членами ООН, и с формальной точки зрения их отношения становились все менее и менее особыми. Этим начали пользоваться консерваторы, которые на фоне неудач «солнечной политики» либеральных президентов, находившихся в РК у власти с 1998 по 2008 г., даже предлагали расформировать Министерство объединения, передав его функции Министерству иностранных дел. Серьезные протесты вынудили президента Ли Мён Бака отказаться от этой идеи, но реминисценции этого проявляются в курсе на интернационализацию межкорейских отношений, которые ранее подавались как сугубо внутреннее дело Юга и Севера.

Став президентом, Пак Кын Хе была обязана выдвинуть свой план межкорейского урегулирования, который при этом, с одной стороны, отличался бы от показавшей свою ошибочность конфронтационной линии Ли Мён Бака, а с другой — не выглядел бы как непопулярная в консервативном сегменте общества «солнечная политика-2». Разрабатывая данный курс, президент вынуждена была учитывать как состояние южнокорейско-американских отношений, так и свое неустойчивое положение между левыми и правыми. Для одних она недостаточно жестка, а для других — дочь диктатора Пак Чон Хи. Из-за этого, в частности, она сталкивается как с трудностями при проведении в жизнь своих планов, так и с ограниченной базой экспертов и советников, отвечающих за разработку ее инициатив.

Говоря о перспективах Евразийской инициативы нельзя не отметить, что пока этот проект не имеет высокого уровня проработки. Налицо некие лозунги, наброски и идеи. А четкой программы и постановки задач нет, что заметно даже по комментариям и трактовкам экспертов. Так, есть некоторые разногласия относительно того, что должно быть приоритетным в отношениях с КНДР. Одни полагают, что в первую очередь надо укреплять инвестиционную, торговую и гуманитарную составляющую, которые будут способствовать развитию двусторонних отношений, и вообще делать акцент на экономике, а не на политике. Другие считают, что искусственно ограничивать сотрудничество не стоит. Экономическое сотрудничество должно быть связано с политической ситуацией, и при возможности, в случае развития успеха или при признаках слабости Севера, надо переходить от экономики к политическим вопросам.

Нет у южнокорейской стороны и ответа на вопрос, чем их сторона готова пожертвовать для достижения консенсуса. Сотрудничество воспринимается как односторонние уступки, хотя ряд южнокорейских экспертов отмечает необходимость отмены санкций от 24 мая 2010 г. как мешающих интеграционному процессу. Однако в целом у южнокорейской стороны нет четкого представления о том, в чем она готова уступить и чем пожертвовать. В основном продолжаются разговоры о том, что меняться в первую очередь должна КНДР.

Некоторые российские кореееды видят на пути Евразийской инициативы два главных препятствия. Первое — неурегулированный вопрос с Севером. Нормализовать отношения с КНДР за РК не сможет никто, и Сеулу не стоит перекладывать это на чужие плечи, иначе евразийская инфраструктура станет реальностью, но РК окажется за ее пределами. К тому же в осуществлении «процесса доверия» заложена мина, связанная с устройством южнокорейской власти. Такие процессы требуют большого времени и непрерывного курса, потому что любое политическое «вихляние» будет восприниматься как доказательство неискренности. Но пятилетний президентский срок без права переизбрания ставит жесткое временное ограничение, сочетающееся с тем, что новый лидер практически никогда не позиционирует себя как продолжателя курса предшественника. В результате «активный период деятельности» (от окончательного утверждения во власти до превращения в «хромую утку») президента РК составляет, в лучшем случае, 3 года, и это естественно формирует установку на краткосрочные программы с достижением результата в кратчайшие сроки.

Второе препятствие — потенциальное противодействие США. Соединенные Штаты могут рассматривать Евразийскую инициативу не только как способ обеспечить международное давление на КНДР, но и как попытку диверсифицировать политические связи Сеула, начав завязывать партнерские отношения не только с островными, но и континентальными державами, — в первую очередь с Россией и Китаем, являющимися противниками США. Недоверие КНДР к Вашингтону и его «марионеткам» также будет оказывать влияние на межкорейские отношения. Пока на Корейском полуострове находятся американские войска, двум Кореям будет тяжело налаживать отношения между собой.

В контексте «спора о терминах» стоит ответить на вопрос о том, что есть «Евразия», имеет ли это понятие лишь географическое значение или его надо понимать шире. Корейский взгляд на границы Евразии отличается от российского, поскольку охватывает Тихий океан. Но даже если ограничиться континентальной частью, одни комментаторы имеют в виду Евразию вообще, другие — страны СВА/АТР, третьи — сугубо постсоветское пространство.

Затем, несмотря на определенное совпадение российских и корейских интересов, нам не следует обманываться в том, будто корейская сторона понимает под «евразийским» то же, что и российская. Это не так. Если в российском дискурсе «евразийство» или евразийские ценности воспринимаются, прежде всего, как альтернатива западным/общечеловеческим то, в Южной Корее этот термин могут понимать совсем иначе — в парадигме глобализации, как распространение европейских ценностей на Азию и создание в регионе единства не только энергетической и транспортной инфраструктуры, но и ценностной базы.

Подводя итоги рассмотрению северокорейской политики нынешнего президента РК, отметим, что Пак Кын Хе, вероятно, хотела бы выйти из замкнутого круга, по которому межкорейские отношения ходят с 2008 г. В этом контексте Евразийская инициатива представляет интерес, однако ее перспективы с точки зрения объединительной политики РК оставляют желать лучшего. Она способна снизить уровень межкорейских противоречий, но на пути движения вперед довольно много препятствий, связанных как с внешними, так и с внутривнутриполитическими факторами. При всем желании президента запустить работающую систему межкорейского взаимодействия Пак Кын Хе не полностью самостоятельна как во внешней, так и во внутренней политике. Южная Корея является союзником США и зачастую голосует так, как этого требует Вашингтон. В этом контексте межкорейское доверие противоречит планам тех, кто хотел бы видеть КНДР плотно сидящей в нише «угрозы миру», что оправдывает соответствующую активность США и их союзников. Между тем для обеспечения реальных шагов вперед придется идти на действия, которые вряд ли будут позитивно восприняты в Вашингтоне. Нынешняя Южная Корея не обладает самостоятельностью настолько, чтобы противопоставить свою волю американской в этом важном вопросе.

Кроме того, хотя курс на утверждение доверия между двумя странами — безусловно, хорошая инициатива (в первую очередь, с точки зрения преодоления подозрений и заблуждений, каковые могут стать причиной «случайной войны»), восстановление доверия — это процесс более сложный, чем кажется. Во-первых, образ врага легко пускает корни. Во-вторых, психологически очень трудно положить свое оружие на землю, не имея четких гарантий того, что противник не воспользуется твоим прекраснодушием. В-третьих, срабатывает фактор обманутых ожиданий, связанный с представлением о том, что восстановление доверия — процесс такой же быстрый, как его утрата. Плюс характерная привычка корейцев принимать уступки за слабость и немедленно начинать увеличивать давление, рискуя перегнуть палку и добиться обратного эффекта. В результате Сеул ждет «позитивного сигнала» от Пхеньяна, но пхеньянские инициативы остаются без ответа, и доверие понимается Югом в основном как односторонние уступки Севера. Такая, в лучшем случае половинчатая, тактика может снизить уровень обострения, но вряд ли приведет к качественному рывку.

1. Remarks by President Park Geun-hye at the 2013 International Conference on Global Cooperation in the Era of Eurasia. 18.10.2013. URL: http://english1.president.go.kr/activity/speeches.php?srh%5Bpage%5D=2&srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=2636&srh%5Bdetail_no%5D=16#sthash.kWhW9VVt.dpuf.
2. Korean Economy Follows the Path of Japanese Economy. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=147&content_id=105142&category=G
3. Solution to Economic Crisis Lies in Overseas Markets. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=104869.
4. Лузянин С.Г. Китай: «шелковая политика» возвышения. URL: http://rus.ruvr.ru/2014_03_19/269869737/
5. Yun Byung-se. Park Geun-hye's Trustpolitik: New Framework for South Korea's Foreign Policy // Global Asia. 27 September 2013. P. 8.
6. 2014 White Paper on Korean Unification. Ministry of Unification, Republic of Korea. P. 12.
7. Choi Jinwook. The Trust-building Process on the Korean Peninsula: a Paradigm Shift in Seoul's North Korea Policy // International Journal of Korean Unification Studies. Vol. 22. N.1. 2013. P. 48–49.
8. Park Geun Hye. Trustpolitik and a New Kind of Korea. Speech on the policy direction for diplomacy, security and unification, Seoul, November 5, 2012.
9. Rodong Simmun Snubs S. Korean Regime's Watchword "Confidence-Building Process". October 23, 2013. [Electronic resource] — Mode of access: <http://www.kcna.co.jp/item/2013/201310/news23/20131023-08ee.html>.
10. Park Geun Hye Preaches Her Master's Doctrine for Aggression: News Analyst. October 31, 2013. [Electronic resource] — Mode of access: April 23, 2014. [Electronic resource] — Mode of access:
11. Prospect for North-South Relations Depends on Park Geun Hye: CPRK Open Questionnaire. April 23, 2014. [Electronic resource] — Mode of access: <http://www.kcna.co.jp/item/2014/201404/news23/20140423-14ee.html>.
12. Интервью южнокорейской телерадиокомпания KBS. 12.11.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19603>.
13. Vantage Point. Developments in North Korea. Yonhap News Agency. April 2014. Vol. 37. № 4. P. 31. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/vantage/index.html>.
14. Korean Unification in 2030 Expected to Spin off US\$55 Billion in Production. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/article/4421/reunification-korean-unification-2030-expected-spin-us55-billion-production>.
15. Объединение двух Корей может вызвать десятикратное увеличение расходов РК в сфере соц-обеспечения // KBS WORLD. 01.12.2012. URL: <http://www.k-window.com/nk/obedinenie-dvuh-korej-mozhet-vyzvat-desyatikratnoe-velichenie-rashodov-rk-v-sfere-sotsobespecheniya/>
16. President Park makes 3-point proposal to Pyongyang. March 31, 2014. URL: http://english1.president.go.kr/activity/headlines.php?srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=5370#sthash.utRRmfxO.dpuf.
17. NDC Spokesman Blasts Park Geun Hye's "Dresden Declaration". April 12, 2014. [Electronic resource] — Mode of access: <http://www.kcna.co.jp/item/2014/201404/news12/20140412-01ee.html>.
18. Жебин А.З. Усилия России во имя упрочения мира в Корее. // Proceedings of the 26th Korea-Russia International Conference «The Eurasia Initiative and a New Korea-Russia Relationship», Seoul, Hanyang University, 13–14 June 2014. P. 102.
19. Eul-Chul LIM. Park Gun-hye's Dresden Unification Plan: Evaluation and Tasks. 2014–03–30. [Electronic resource] — Mode of access: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0401V.aspx?code=FRM140417_0002.
20. Ю Гиль Чжэ: Югу и Северу нужен открытый диалог. KBS WORLD. 05.11.2014. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=36574&id=IK.
21. 4 июля 1972 г. было принято Совместное заявление между Севером и Югом, по которому объединение Кореи должно быть достигнуто: независимыми усилиями — без внешнего вмешательства; мирным путем — без применения силы по отношению друг к другу; на базе «великой национальной консолидации» — на первом месте должно стоять национальное единство, а на втором — различие в идеях и системах.